

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <http://dx.doi.org/10.32653/CH15147-56>.

Эрлих Владимир Роальдович,
д.и.н., главный научный сотрудник,
Государственный музей Востока, Москва, Россия
verlikh@bk.ru

Спасовский Юрий Николаевич
старший научный сотрудник,
Майкопский филиал
Кавказского биосферного заповедника, Майкоп, Россия
b.bonatus@mail.ru

Годизов Георгий Леонидович
к.и.н., старший научный сотрудник
Северо-Кавказский филиал
Государственного музея Востока, Майкоп, Россия.
ggodizov@gmail.com

СОСТАВ СТАДА И МЯСНАЯ ДИЕТА ПОСТДОЛЬМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (ПО ДАННЫМ ПОСЕЛЕНИЯ ШУШУК)

Аннотация. В статье публикуются результаты археозоологического исследования костного материала из ямы-промоины с кухонными отбросами поселения Шушук в предгорьях Адыгеи (финал поздней бронзы, постдольменный горизонт) – 692 определимых фрагмента. На основе их анализа авторы приходят к выводу, что скотоводческое хозяйство постдольменного общества носило придомный, выгонно-стойловый характер. На первом месте находился крупный рогатый скот (более 60 % костей), на втором месте – свинья, доля мелкого рогатого скота – около 10 %. Роль охоты была невелика. В верхних слоях появляется лошадь, что связывается со степным влиянием. Исследователи сравнивают состав стада Шушука с имеющимися данными по поселениям ранней и средней бронзы региона и приходят к выводу, что в целом он близок составу стада Дагуако-Даховского поселения средней бронзы (дольменная культура). Приведены также сравнительные данные по составу стада синхронных степных культур (белозерской и кобьяковской Нижнего Дона), в которых к этому времени значительную роль играла лошадь. Сделана также попытка проследить динамику изменения во времени состава стада по условным горизонтам (штыкам).

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ; финал бронзового века; постдольменный горизонт; состав стада; мясная диета.

LIVESTOCK COMPOSITION AND MEAT DIET OF THE POST-DOLMEN PEOPLE OF THE FOOTHILLS OF THE NORTH-WESTERN CAUCASUS (ACCORDING TO THE SHUSHUK SETTLEMENT DATA)

Vladimir R. Ehrlikh,
D.Sc. (in History), Senior Researcher
State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
verlikh@bk.ru

Yury N. Spasovsky
Senior Researcher,
Maikop branch of the Caucasian Biosphere Reserve, Maikop, Russia
b.bonatus@mail.ru

Georgiy L. Godizov
Ph. D. (in History), Senior Researcher
North Caucasus branch of the State Museum of Oriental art, Maikop, Russia
ggodizov@gmail.com

Abstract. This article presents the results of the archaeozoological study of bone material from the dig with kitchen utensils of the Shushuk settlement in the foothills of Adygea (final of the late Bronze Age, post-dolmen horizon) - 692 definable fragments. Based on their analysis, the authors conclude that the livestock economy of the post-dolmen people was of a home-based, pasture-stall nature. Cattle is dominant (more than 60% of bones), followed by pigs, while sheep and goats make up only a small percent of the material - about 10%. Hunting did not play a significant role in this society. The horse found in the upper layers can be attributed to steppe influence. By comparing the composition of the Shushuk livestock with available data from Early and Middle Bronze Age settlements in the region, the researchers conclude that the overall composition of the Shushuk livestock bears a close resemblance to that of the Daguak-Dakhovsky settlement, which belongs to the Middle Bronze Age (dolmen culture). The analysis also takes into account comparative data on the livestock composition of contemporary steppe cultures (e.g. Belozeka and Kobyakovo in the Lower Don) in which horses already played a significant role. The authors also attempt to trace the dynamic of change in livestock composition over time as represented by the chronological horizons (i.e. spits).

Keywords: North-Western Caucasus; final of the Bronze Age; post-dolmen horizon; livestock composition; meat diet.

Археологический комплекс Шушук состоит из могильника и синхронного поселения. Погребальные комплексы данного могильника характерны своеобразными ящиками-рамами, в которых часто вторично использовались плиты разобраных дольменов. Погребальный инвентарь представлен украшениями из зубов животных, бронзовыми височными кольцами, каменными бусами. В керамическом комплексе погребений встречаются горшки на низких кольцевых поддонах, сосуды с прочерченным орнаментом, сосуды с парными «сосцевидными» налестками.

Характерной чертой керамического комплекса поселения являются фрагменты крупных сосудов, горло и венчик которых сформирован из жгутов глины, образующих характерный «многоваликовый» орнамент, кувшины и кружки с двустольными ручками.

На поселении, как и в могильнике, встречены кубковидные сосуды для питья с петельчатыми ручками – прототипы протомеотских черпаков.

Исследованный в 2017 г. участок поселения представлял собой пологий склон холма, гипсового в основе (рис. 2). Уклон холма шел с юго-востока на северо-запад. По этому склону с уничтоженной карьером площадки поселения сносились потоками дождевой воды культурные остатки, которые застревали в образовавшихся промоинах гипса. Кроме этого, на этом же склоне имелась карстовая воронка (яма-промоина), которая использовалась жителями древнего поселения для свалки мусорных отходов (рис. 3). Она была насыщена культурными остатками. Исследование данного комплекса проводилось условными горизонтами – «штыками» в 20 см. В процессе исследования на разных глубинах расчищались и фиксировались отдельные скопления битых сосудов и костей. Всего таких скоплений внутри промоины было зафиксировано три.

В верхней части карстовая воронка была округлой и имела диаметр около 8 м. Внизу она имела неправильную форму и размеры 6х4 м. Ее глубина достигала 2,6 м. Эта промоина образовалась еще до появления поселения, так как её нижние штыки с 8-го по 13-й оказались стерильными.

Культурные остатки в воронке появляются на штыке 7 (глубина 1,20-1,40 м), а основная их масса приходится на штык с 6-го по 1-й. Именно в этих условных горизонтах была встречена основанная масса осколков костей, на остальных участках склона в результате постоянного

стока воды кости, как правило, не сохранялись, а встречались лишь керамика. Помимо костей и керамики, здесь встречались изделия из камня и металла. По имеющемуся керамическому материалу, существенные изменения между нижними и верхними горизонтами этого объекта не прослеживались. Важно также отметить, что в восточную часть воронки попал разведочный шурф 2015 г. (рис. 2). По углю со штыка 6 этого шурфа (нижний горизонт с культурными остатками) мы имеем дату по С-14, сделанную в лаборатории г. Майнца (MAMS 28352) - ВР 2980±24 cal. ВС 16 1258-1131, cal. ВС 26 1273-1122. Таким образом, время начала существования поселения, и, соответственно, накопления мусора в карстовой воронке относится к XIII–XII вв. до н.э.

Предлагаемая статья посвящена анализу многочисленного костного материала из этого комплекса. Изучение фаунистических остатков данного объекта представляет интерес с нескольких точек зрения. Прежде всего, он позволит впервые пролить свет на некоторые стороны хозяйственного уклада и системы мясной диеты носителей постдольменного горизонта. Во-вторых, присутствие в материале останков диких животных дает возможность расширить или дополнить сведения о природных особенностях данного района в предгорьях Западного Кавказа.

Всего было просмотрено 2 462 костей и их фрагментов, из которых удалось идентифицировать лишь 692 фрагмента. Целыми в материале попадались в незначительном количестве лишь отдельные зубы и кости дистальных отделов конечностей: пяточные, таранные (астргалы) и фаланги пальцев (рис. 4). Большая часть костных фрагментов была неопределима, так как состояла из мелких осколков диафизов трубчатых костей конечностей, позвонков и ребер. Сильная фрагментированность костей позволяет утверждать, что эти кости являются пищевыми остатками. О «кухонном» характере материала говорит также и принадлежность костей как домашним, так и диким животным, которых также могли употреблять в пищу.

Результаты анализа качественного и количественного состава остеологического материала из поселения Шушук, представлены в таблице 1.

Из числа определимых костей, более 90 % принадлежало домашним животным – 586 костных фрагмента. Согласно современным представлениям в археозоологической практике, выборка в 500 определимых костей позволяет говорить о полном видовом составе стада и о реальном соотношении тех видов животных, которые активно использовались в хозяйстве [3, с. 12]. Исходя из этого, можно с полной уверенностью говорить о том, что в хозяйстве жителей поселения Шушук одним из основных занятий было скотоводство.

Главенствующее положение занимало разведение крупного рогатого скота (*Bos taurus domesticus*), его останки присутствуют на всех штыках комплекса. В процентном отношении от общего количества определимых костей домашних животных костные фрагменты крупного рогатого скота в целом составили более 60 %.

Присутствие в материале значительной доли останков кабана или свиньи, которые найдены на шести штыках, что в целом составило более 20 %, позволяет предполагать, что это были домашние формы (*Sus scropha domestica*).

Доля костей мелкого рогатого скота (*Capra et Ovis*) – коз или овец, которые также найдены практически на всех штыках мусорной ямы, в целом составила около 10 %. Вполне очевидно, что разведение коз и овец, имело значительную, хотя и меньшую, долю в скотоводческом хозяйстве жителей поселения.

Таким образом, состав стада поселения Шушук и процентное соотношение используемых животных, в целом, указывает на то, что в хозяйственном укладе его жителей скотоводство носило, скорее всего, придомный, выгонно-стойловый характер.

Небольшое количество идентифицированных костей лошади (*Equus caballus sp.*) (рис. 4, 1) – общая доля которых составила всего около 3 % (18 фрагментов от 8 особей), пока не позволяет с достаточной уверенностью говорить, о том, что это была домашняя лошадь, используемая не только в качестве мясной пищи, но и как транспортное средство. Однако тот факт, что останки лошадей присутствуют во всех верхних штыках комплекса, начиная с 4-го, скорее может свидетельствовать в пользу предположения, что в последние века II тыс. до н.э. разведение лошадей уже началось и в предгорьях Западного Кавказа.

Кости диких животных идентифицированы в незначительном количестве и всего лишь в нескольких штыках. В 3-м штыке был идентифицирован лишь один фрагмент берцовой кости оленя (*Cervus elaphus sp.*) (рис. 4, 2). А в штыках 5 и 1 были найдены фрагменты рогов и черепа трех особей косули (*Capreolus capreolus*). Находки останков этих зверей в культурном слое поселения, без сомнения, являются результатами охоты. Вместе с тем, незначительность выборки костей диких животных не позволяет с полной уверенностью сделать выводы относительно охотничьих предпочтений и значения охоты в хозяйстве поселенцев.

В тоже время, поскольку эти виды млекопитающих являются типичными лесными обитателями, широко распространенными с древнейших времен в лесных ландшафтах Западного Кавказа, можно констатировать, что ландшафтно-климатические условия в эпоху существования поселения были близки к современным.

Следует отметить, что прежде в близкой ландшафтной зоне в предгорьях Адыгеи состав стада изучался для поселения ранней бронзы у ст. Новосвободной (IV–III тыс. до н.э.) и для Дагуако-Даховского поселения дольменной культуры (средняя бронза, конец III – первая половина II тыс. до н.э.) (рис.1).

На небольшой выборке определимых костей – 78 фрагментов Новосвободненского поселения 35 принадлежало крупному рогатому скоту, 15 – свинье, 16 – овце/козе. Таким образом, свинья и мелкий рогатый скот находились здесь в равных долях. Значительная доля костных остатков принадлежала диким видам, охотничьим трофеям [4, с. 141, 142]. Фаунистические остатки домашних животных Дагуако-Даховского поселения дольменной культуры чрезвычайно близки по своим пропорциям данным постдольменного Шушука. Здесь в стаде также преобладал крупный рогатый скот (66 %), на втором месте стояла свинья (24 %), а на третьем – мелкий рогатый скот (10 %). Кости диких животных также единичны [5, с. 50, 51].

На основе анализа различных материалов из поселений и стоянок дольменной культуры (или КСД – культуры строителей дольменов) М.Б. Рысин пришел к выводу, что ее носители вели комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства и незначительной ролью земледелия [6, с. 90, 91]

Таким образом, пока наши материалы свидетельствуют, что существенных изменений в составе стада между дольменной культурой и постдольменным горизонтом не произошло. Небольшой процент мелкого рогатого скота свидетельствует о придомном скотоводческом хозяйстве с низкой мобильностью.

Возможно, некоторые изменения происходят в области освоения лошади. Если в эпоху ранней и средней бронзы кости лошади были единичны и это были дикие виды, входившие в остатки охотничьих трофеев, то материалы поселения Шушук скорее свидетельствует о том, что в предгорья Северо-Западного Кавказа уже начинает проникать домашняя лошадь.

Если сравнивать наши данные с синхронными культурами финальной бронзы причерноморской Степи и Нижнего Дона, то необходимо отметить, что в белозерской культуре лошадь уже занимала второе место в стаде и ее процент на различных поселениях колебался от 20 до 30 % [7, с. 144–145; 8, с. 105]. В стаде носителей кобяковской культуры Нижнего Дона, происходящей, как полагала Э.С. Шарафутдинова, из равнинного Закубанья, лошадь занимала третье место (21 %) после крупного рогатого скота (34 %) и овцы/козы (32,5 %). Свинья в стаде кобяковской культуры занимала около 12 % [9, с. 81; табл. 1].

Таким образом, треть стада у кобяковцев Нижнего Дона составлял мелкий рогатый скот, который при наличии лошади, используемой под верх, мог отгоняться на выпас на значительные расстояния от поселка. Очевидно, близкая ситуация была и на памятниках кобяковской культуры равнинного Закубанья, для которой подсчеты костных остатков не проводились.

Мы также сделали попытку проследить динамику в распределении доли останков домашних животных в открытом комплексе кухонных отбросов в карстовой воронке по штыкам (Таблица 2). Исходя из этого, мы решили сравнить это соотношение, для наглядности выразив это в графическом виде (рис. 5).

Как видно на графике, доля крупного рогатого скота (КРС) в материале, от шестого штыка к первому увеличивается от 50 % к 70 %. Особенно это хорошо показывает линейный тренд.

При практически неизменной небольшой доле мелкого рогатого скота (МРС), которая в каждом штыке колеблется от 10 до 15 %, резко заметен тренд на сокращение доли свиньи

(от 35 % – на штыке 5 до 7 % на штыке 1). Можно предположить, что этот тренд, как и появление лошади, может свидетельствовать о определенном увеличении доли мобильности в комплексном скотоводческом хозяйстве постдольменного общества, которое происходит под влиянием степных культур финала бронзового века.

Благодарность: Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-09-00100 «Финал эпохи бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Постдольменный горизонт»).

Приложение 1
Таблица 1

Качественный и количественный состав остеологического материала поселения Шушук.
Раскопки 2017 г.

Стратиграфия	Крупный рогатый скот (Bos t. domesticus)		Мелкий рогатый скот (Capra et Ovis)		Кабан (Sus scropha domestica)		Лошадь (Equus caballus)		Олень (Cervus elaphus)		Косуля (Capreolus capreolus)		Итого в слое		
	Осб.	Фр.	Осб.	Фр.	Осб.	Фр.	Осб.	Фр.	Осб.	Фр.	Осб.	Фр.	Осб.	Фр.	Неоп.
перемешанные слои (бровки)	24	52	10	12	15	31	1	3			2	4	52	102	295
Штык 1	12	65	3	12	5	6	1	1			2	2	23	86	158
Штык 2	22	149	5	5	18	30	2	5					47	189	337
Штык 3	23	78	16	25	22	50	3	4	1	1			65	158	491
Штык 4	15	39	5	6	16	25	1	5					37	75	301
Штык 5	8	34	3	7	5	23					1	1	17	65	153
Штык 6	1	8	1	2	1	1							3	11	21
Штык 7	2	3											2	3	13
Штык 8			1	1									1	1	1
Штык 9	1	2											1	2	
Всего	108	430	44	70	82	166	8	18	1	1	5	7	248	692	1770

Приложение 2
Таблица 2

Количество костных фрагментов в процентном соотношении к общему числу определимых фрагментов по слоям (штыкам) поселения Шушук.
Раскопки 2017 г.

Стратиграфия	Крупный рогатый скот (Bos t. domesticus)		Мелкий рогатый скот (Capra et Ovis)		Кабан (Sus scropha domestica)		Лошадь (Equus caballus)		Олень (Cervus elaphus)		Косуля (Capreolus capreolus)		Итого в слое	
	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%
Штык 1	65	75,6	12	14,0	6	7,0	1	1,2			2	2,3	86	100
Штык 2	149	78,8	5	2,6	30	15,9	5	2,6					189	100
Штык 3	78	49,4	25	15,8	50	31,6	4	2,5	1	0,6			158	100
Штык 4	39	52,0	6	8,0	25	33,3	5	6,7					75	100
Штык 5	34	52,3	7	10,8	23	35,4					1	1,5	65	100
Штык 6	8	72,7	2	18,2	1	9,1							11	100
Штык 7	3	*											3	*
Штык 8			1	*									1	*
Штык 9	2	*											2	*
Всего	378		58		135						3		590	

масштаб 1 : 900 000

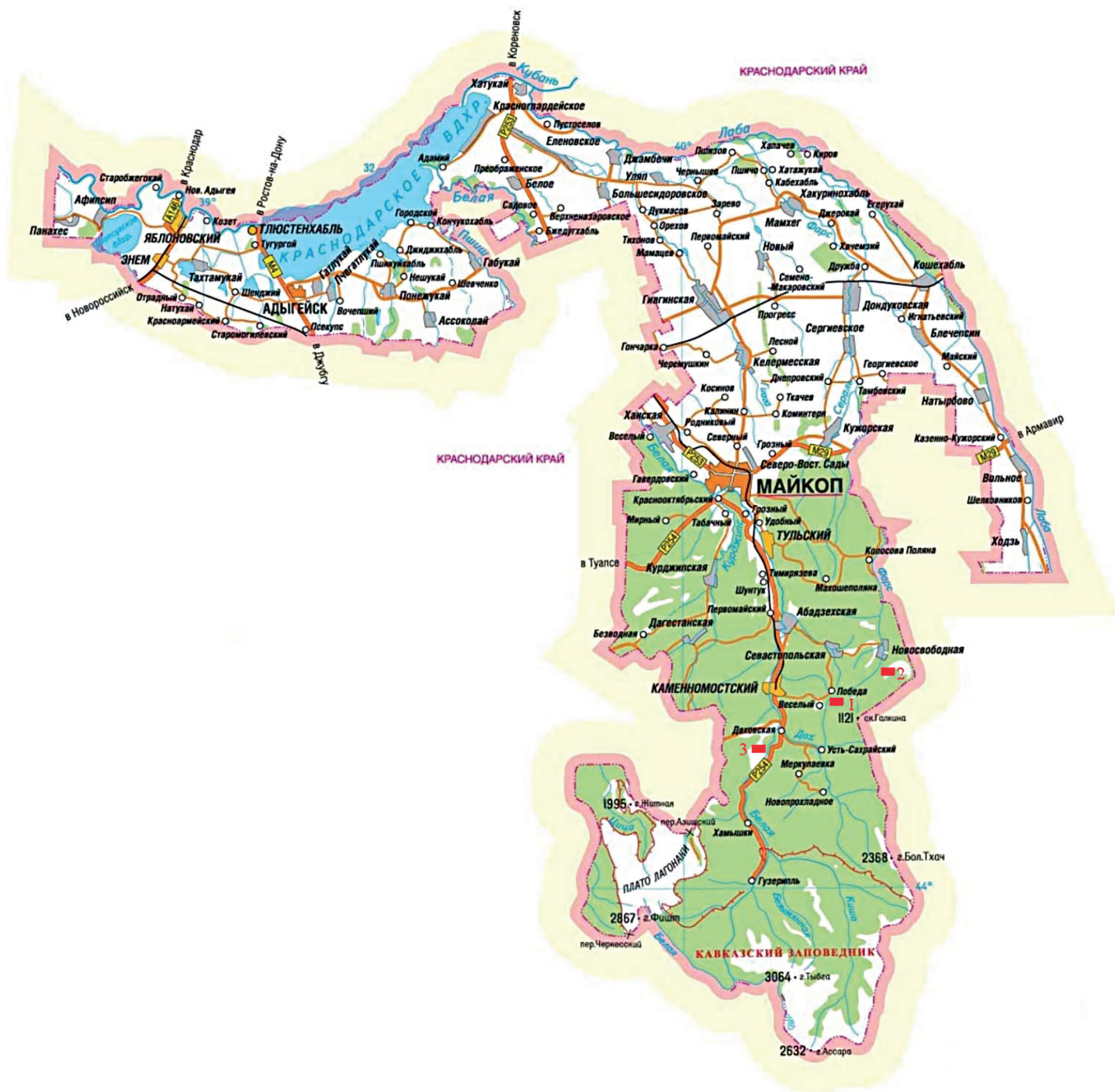

Рис. 1. Карта республики Адыгея
 1 – Поселение Шушук;
 2- Новосвободненское поселение;
 3 – Дагуако-Даховское поселение

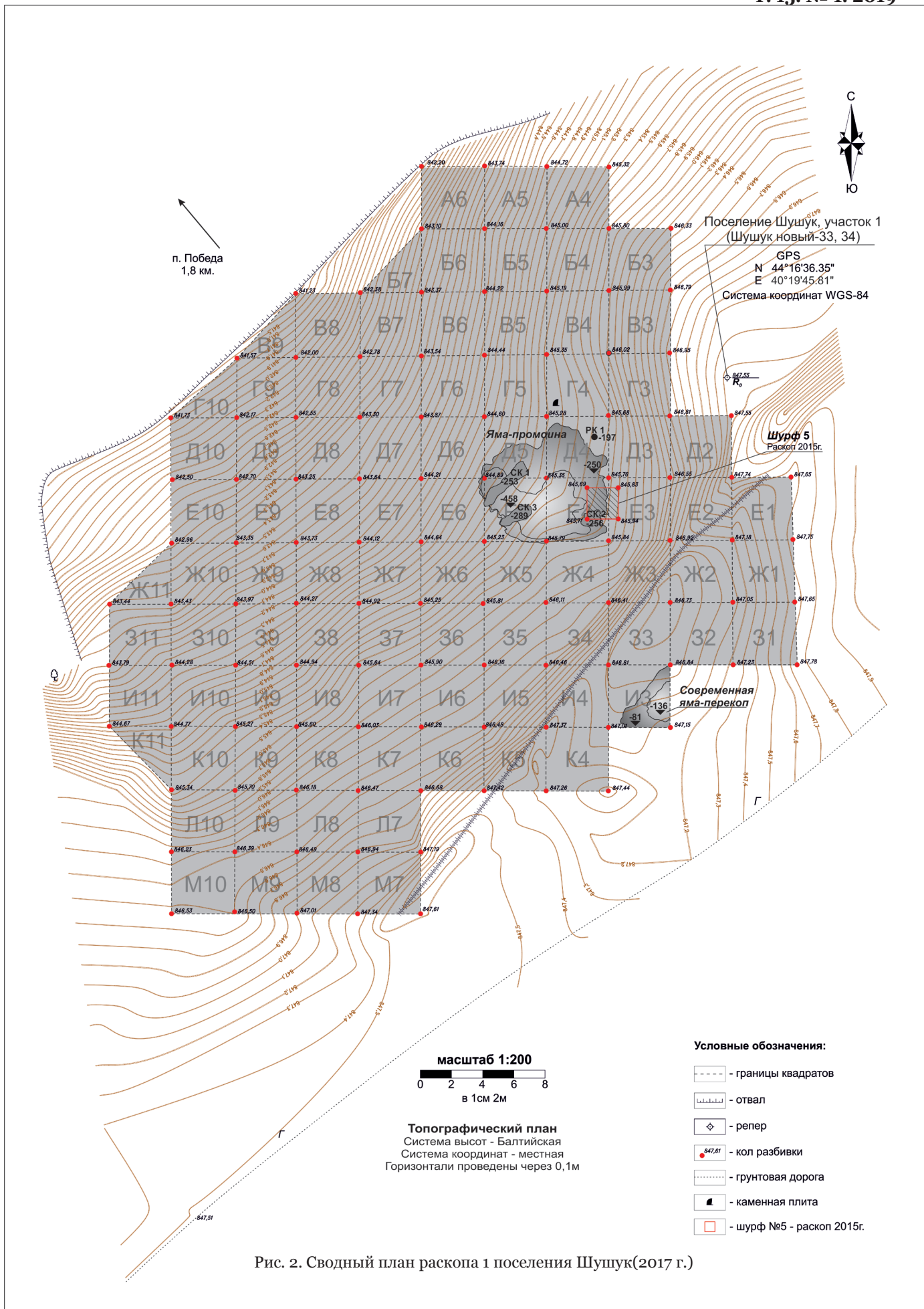

Рис. 2. Сводный план раскопа 1 поселения Шушук(2017 г.)

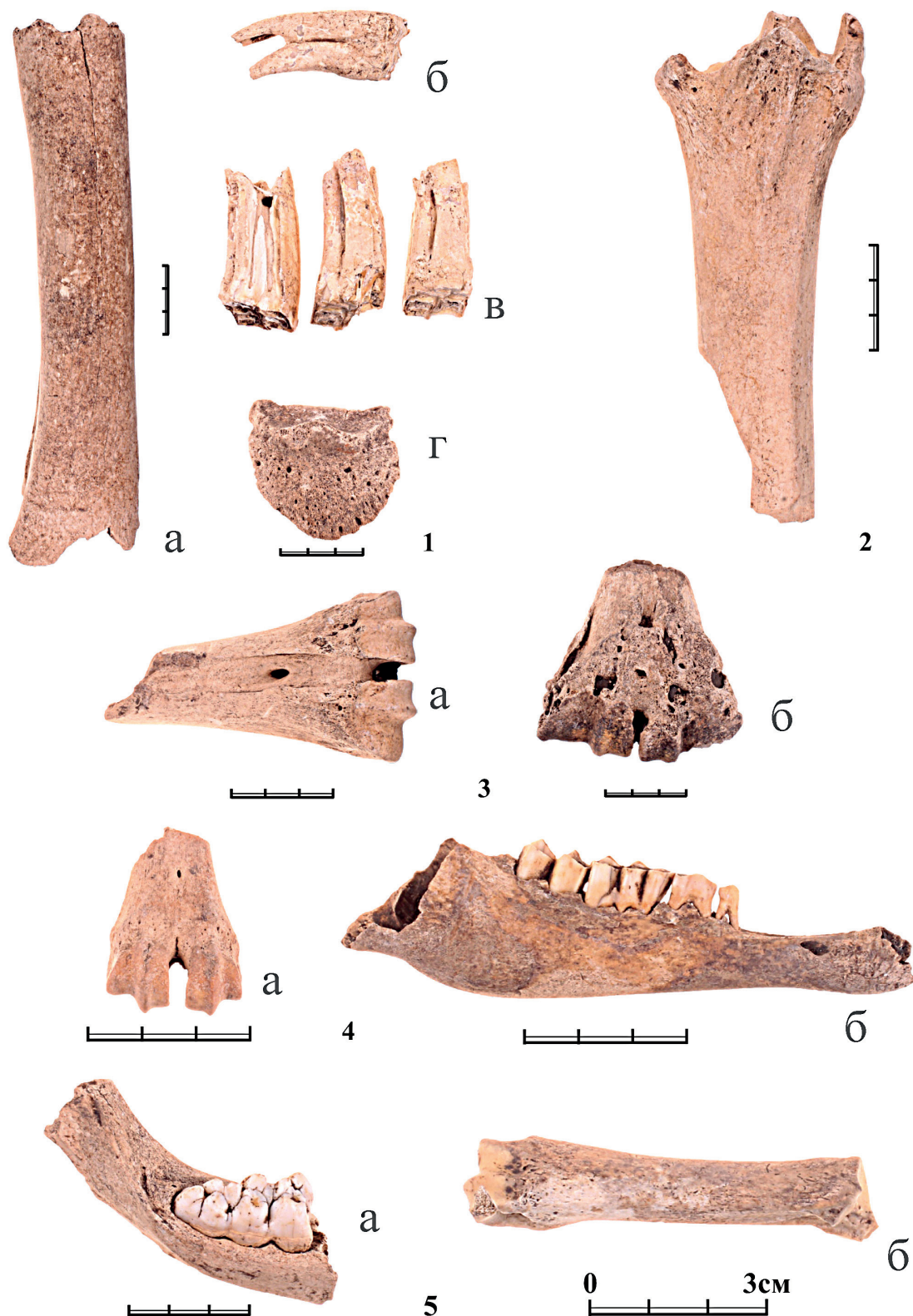

Рис. 3. Кости животных из мусорной ямы-промоины поселения Шушук
 1. Лошадь - *Equus caballus* sp. а) Правая лучевая кость, сколоты эпифизы (штык 3); б) Левый нижний моляр (штык 1); в) Три правых верхних моляра. (штык 2); г) Третья (копытная) фаланга пальца (штык 2);
 2. Олень - *Cervus elaphus* sp. Дистальный эпифиз левой берцовой кости (штык 3); б) Дистальный эпифиз плюсневой кости (штык 3).
 3. Крупный рогатый скот - *Bos domesticus* sp. а) Дистальный эпифиз плюсневой кости (штык 5); б) Правая ветвь нижней челюсти с молярами (штык 3).
 4. Мелкий рогатый скот - *Capra et Ovis*. а) Дистальный эпифиз плюсневой кости (штык 5); б) Правая ветвь нижней челюсти с молярами (штык 3).
 5. Свинья - *Sus scropha domestica*. а) Фрагмент правой ветви нижней челюсти с третьим моляром (штык 4); б) Четвертая плюсневая кость (штык 3)

Рис. 4. Выбранная яма-промоина (карстовая воронка) на раскопе 1, вид с северо-востока

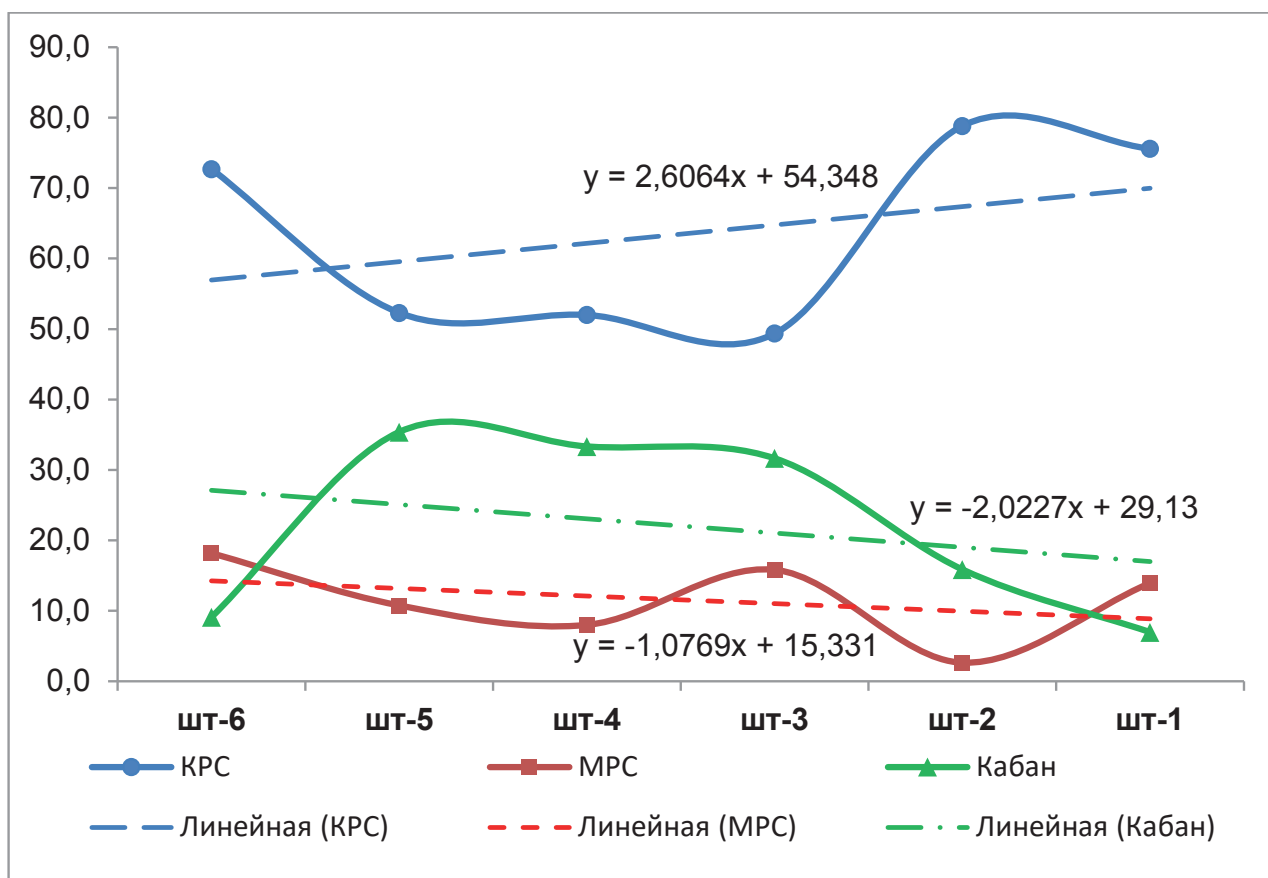

Рис. 5. График динамики распределения доли костных фрагментов (в %) основных домашних животных поселения Шушук (по штыкам)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрлих В.Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. 2018. № 250. С. 7–24.
2. Эрлих В.Р. Финал поздней бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Мат-лы междунар. конф. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского госуниверситета, 2018. С. 279–283.
3. Антипина Е.Е. Методические проблемы изучения остатков животных из археологических памятников // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. Сб. ст. /Отв. ред. Е.Е. Антипина и Е.Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.
4. Спасовский Ю.Н. Предварительный анализ фаунистических остатков поселения Новосвободное // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». Тез. докл. М.: ИА РАН, 1996. С. 141–142.
5. Марковин В.И. Дегуако-Даховское поселение дольменной культуры в Прикубанье // ред. Н.В. Анфимов и П.У. Аутлев. Сб. мат-лов по археологии Адыгеи. Майкоп: «Адыгблполиграфобъединение», 1977. С. 37–67.
6. Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 85–123.
7. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. – 168 с.
8. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. – 166 с.
9. Таттар А.В. Фауна поселений кобяковской культуры // в кн. Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука, 1980. – 128 с.

REFERENCES

1. Erlikh V.R. The Pos-dolmen Horizon in the Norwest Caucasus *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. № 250. Moscow, 2018: 7–24.
2. Erlikh V.R. The Late Bronze Finals in the foothills of the North-West Caucasus. New data [Final pozdnej bronzy v predgor'yakh Severo-Zapadnogo Kavkaza. Novye dannye] *The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. The XXX "Krupnovskie reading."* *Proceedings of the international conference*. Karachaevsck: Publishing house of Karachay-Cherkess State University, 2018: 279–283.
3. Antipina E.E. Methodological problems of studying animal remains from archaeological sites [Metodicheskie problemy izucheniya ostatkov zhiivotnykh iz arkheologicheskikh pamyatnikov] *The latest archaeological research in Russia: the centenary of the birth of V. I. Tsalkin. Sat. articles. /Eds. E. E. Antipina and E. N. Chernykh.* – Moscow: Languages of Slavic culture, 2004: 7–33.
4. Spasovskij Yu.N. Preliminary analysis of the faunal remains of the settlement of Novosvobodnoye [Predvaritel'nyj analiz faunisticheskikh ostatkov poseleniya Novosvobodnoe] *The Actual problems of archeology of the Northern Caucasus. The XIX "Krupnov's reading."* *Abstracts*. Moscow: The Institute of Archeology Russian Academy of Sciences, 1996: 141, 142.
5. Markovin V.I. The Deguako-Dakhovskaja site of Dolmen culture in Kuban region [Deguako-Dakhovskoe poselenie dol'mennoj kul'tury v Prikuban'e] Eds. N.V.Anfimov and P.U.Autlev. *Collection of materials on the archeology of Adygea*. Majkop: «Adyogblpoligrafob"edinenie», 1977: 37–67.
6. Rysin M.B. The cultural transformation and the culture of Caucasian dolmen builders [Kul'turnaya transformatsiya i kul'tura stroitelej dol'menov na Kavkaze] *Caucasian ancient societies in paleometal epoch (early complex societies end the question of cultural transformation)*. St.-Petersburg: The Institute for Material Culture History Russian Academy of Sciences, 1997: 85–123
7. Berezanskaya S.S., Otroshhenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N. *Cultures of the Bronze Age in Ukraine territory [Kul'tury ehpokhi bronzy na territorii Ukrainy]*. Kiev: Naukova dumka.
8. Vanchugov V.P. *The sites of Belozerka culture in the North-Western Black Sea region. [Belozerskie pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e]*. Kiev: Naukova dumka, 1990.
9. Tattar A.V. The fauna from sites of Kobyakovo culture [Fauna poselenij kobyakovskoj kul'tury] *Sharafutdinova E. S. The sites of the pre-Scythian time in the Lower Don (Kobyakovo culture)*. Leningrad: Nauka, 1980: 81–83.

Статья поступила в редакцию 27.02.2019 г.